

Геройства редкого мы возжигаем свету,
 Но в твердости твоей есть варварства приметы.
 Кто б, самый доблестный, возликовал о том,
 Что к славе он идет столь роковым путем?²⁶

Куриаций совершает точно такой же подвиг, как и Горацій, с той только разницей, что платит за него жизнью. Тем самым суть этической диллемы, поставленной в трагедии, не в верности своему гражданскому долгу, ибо ему одинаково верны все Горации и Куриации, а в оценке сложившейся братоубийственной, противной человеческим чувствам ситуации. И если Куриаций

Готов... убить, как должен, брата
 Во имя родины, но сердце скорбью сжато,²⁷

то Горацій идет на то же с душой, объятай «гордой радостью».²⁸

Таким образом, в героях трагедии никакой борьбы между чувством и долгом в собственном смысле слова нет. Происходит жестокая борьба между доблестным чувством чести и менее доблестными, но более человеческими чувствами любви и дружбы. И речь идет не об общественной, гражданственной ценности того или другого из этих чувств, так как оба их носителя в равной мере исполняют свой гражданский долг, а о том, какое из этих чувств больше согласуется с естественной человеческой природой и отвечает нравственному благу человека. Подвиг Горация омрачается в конце трагедии «мерзостным преступлением» — бессмысленным убийством сестры, совершенным в припадке неистового честолюбия. Морально осужденный за это преступление римским царем, Горацій получает от него же прощение за спасение Рима.

Живи, герой, живи. Ты заслужил прощенье.
 В лучах твоих побед бледнеет преступленье.²⁹

Это не моральное оправдание преступления Горация, а прощение перед лицом одержанной им победы во славу Рима. И никаких моральных преимуществ перед другими участниками поединка, сложивших в нем головы, эта победа Горацию не дает. Она не имеет внутренней мотивировки, а является делом случая. Убийство же Камиллы еще раз подчеркивает бесчеловечность иступленного славолубия Горация, братоубийственный характер его воинского подвига.

В еще меньшей степени можно говорить о борьбе между чувством и долгом, в современном смысле этих слов, применительно

²⁶ Там же, стр. 92.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же, стр. 93.

²⁹ Там же, стр. 135.